УДК 316.346.32-053.6

Смирнова Елена Александровна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и права Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС (г. Хабаровск). *E-mail: sea221@yandex.ru*
Лисовская Ирина Викторовна – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» НИУ ВШЭ(СПБ), Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук (г. Санкт-Петербург). *E-mail: ilisovskaya@hse.ru*

Е.А. Смирнова
И.В. Лисовская
E.A. Smirnova
I.V. Lisovskaya

Подростковый возраст и трудная жизненная ситуация: анализ социальной проблемы

На протяжении последних лет вырос исследовательский интерес к изучению подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации. В данной статье подростковый возраст анализируется с точки зрения социального конструктивизма. Подростковость рассматривается как конструкт, который находится в плоскости научных, медиа и государственных дискурсов. В статье представлен аналитический взгляд на процесс конструирования образа подростка, раскручивания и детерминации в публичном пространстве проблемы «трудного подростка», а также рассмотрены современные социологические дискурсы относительно подросткового возраста. Целью данной статьи является выделение концепта «подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации», на основании анализа актуальных дискуссий в российских и зарубежных исследованиях.

Adolescence, risk and difficult life situation: the construction of social problem

For the last decade there has been a growing interest research of adolescence in difficult life situations. This study is in line with social constructivist approach to adolescents. In this article, adolescence is analyzed from the perspective of social constructivism. Adolescence is considered as a construct that is in the plane of various scientific, media and public discourses. The article presents an analytical view of constructing the image of "difficult teenager" in context of public space, media and scientific discourses. However the contemporary sociological discourses regarding adolescence discussed in the article The key findings of the article is the identification of the concept of "adolescents in difficult life situation", based on an analysis of current discussions in the Russian and foreign studies. The study contributes to social constructivism theory.

Ключевые слова: *подростковый возраст, конструктивизм, молодежь группы риска, трудная жизненная ситуация, делинквентность.*

Keywords: *adolescence, constructionism, youth at risk, difficult life situation, delinquency.*

В настоящее время проблема определения подростковости вновь становится актуальной. Юный возраст в большинстве дискурсов рассматривается как неоднозначное явление, которому сложно дать точное определение. Подростковость зачастую представляется как сложная социальная конструкция, интерпретируемая совершенно по-разному в зависимости от территориальной, этнической, государственной принадлежности. Подростковому возрасту приписываются явления кризисности, и нередко сам кризис ассоциируется с опасностью, риском или асоциальными практиками. Процессы раскручивания и навязывания образа «трудного» подростка рождают целую плеяду дискурсов, где подростковый возраст понимается как социальная проблема. Так, проблемность возраста определяется с позиций различных подходов, в частности в медийном пространстве и СМИ, академической литературе, законодательных инициативах в виде целевых программ федерального и регионального уровней. Исследовательский интерес в данной статье связан с анализом подросткового возраста как «созданной реальности» с позиции конструктивистской парадигмы; особенностей зарубежных и отечественных практик, оценкой концептов, применяемых к анализу жизненных трудностей и рисков данной возрастной категории.

Если возраст, особенно подростковый возраст, который связан с множеством кризисов и проблемных явлений, является социальной проблемой, сконструированной реальностью, то многие процессы, соотносимые с проблемным возрастом, можно раскрыть с помощью конструктивизма. Дж. Китсьюза и М. Спектор определяют социальную проблему как активность, имеющую политический характер выдвижения требований, представленную в форме интеракции между социальными группами. Социальные обстоятельства, которые вызывают наибольшие споры между группами, закрепляют социальную проблему, а сам объект споров становится конструкцией [1]. С точки зрения А. Щюца, абстракция и идеализация являются характеристиками конструкций, которые являются своеобразными формами представлений о мире [2]. Таким идеализированным понятием, например, является возраст и явления, связанные с ним. Дихотомия «детство» и «взрослость», через которую характеризуется подростковый возраст и конструируемые смыслы в общественной реальности, становится ключевым звеном анализа в многочисленных дискурсах зарубежного и отечественного опыта.

Неоднозначно определяются границы подросткового возраста в зарубежных социологических, психологических и медицинских исследовательских практиках. В 1995 г. в США Общество подростковой медицины опубликовало ряд документов, где приводятся хронологические рекомендации для определения подросткового возраста, обозначив границы от

10 до 25 лет [3]. Так же Бюро переписи США использует разные конструкции, где лица с абсолютно с различными возрастными параметрами определяются как «подростки»: с 12 – 17 лет и одновременно с 15 – 19 лет [3]. В России границы подросткового возраста, в среднем, определяются 12 – 17 гг. Проведенные отечественные исследования в психологии определяют начало кризисного возраста уже в 10,6 лет до 12 – 13 лет, стабильный период развития – с 14 – 15 лет, а переход к юности ознаменовывается границей в 16 – 17 лет [4]. Так, психологический и медицинский подходы делают акцент на хронологических рамках возраста, которые предопределяют течение кризисов и процесс взросления.

Социологический подход к анализу концепта «подростковый возраст» в противовес предыдущим дискурсам определяет, что, во-первых, это является неустойчивым периодом, а, во-вторых, вопросы правильного поведения в этом возрасте приобретают наибольшую актуальность [5]. Неустойчивость данного периода определяется не только психологическими и физиологическими характеристиками, а скорее тем, что подросток имеет доступ к детским и взрослым типам поведения в одинаковой пропорции, что представляет собой дихотомию «ребенок» – «взрослый».

Подростковый возраст как социологическая конструкция находится в плоскости различных подходов, дефиниций в рамках современной социологии молодежи. С точки зрения исторической детерминации подростковости как одной из составляющих возрастного диапазона, в 1904 году Стэнли Холл дает одно из первых определений концепту «подростковый возраст», который представляет собой, с точки зрения исследователя, стадию легкоопределяемую стандартами поведения и соответствующим им биологическим изменениям [6]. В дальнейшем Толкотт Парсонс ставит под сомнение исключительно физиологическую характеристику подростковости и делает ссылку на формирование четкой структурной определенности, которая и определяет возраст, границы детства и взрослости. Парсонс отмечает роль институциональных структур, которые формируют статусно-ролевую систему в этом контексте и конструируют штампы, которые и определяют концепцию подростковости [7].

Анализ зарубежной научной литературы показывает, что для определения границ между взрослостью и детством существует ряд маркеров, которые разграничивают детство и взрослость в отношении подростков. Социологический подход разделяет подростковый возраст на две составляющие: детство и взрослость. Так, взрослость понимается как состояние определенности и осознанности, которому соответствуют следующие условные маркеры: выход из дома и из под родительского контроля, получение образования, полный рабочий день и финансовая независимость. Детство же представляет собой состояние невинности и некоторой сентиментализации [8, 9].

Таким образом, поиск границ взрослости является довольно актуальной проблемой, которую сложно ограничить конкретными временными рамками. Поэтому социальные маркеры играют ключевую роль в определении тех групп

молодежи, которые еще не достигли «взрослого состояния», но, тем не менее, могут сочетать в себе детские и взрослые типы поведения. Подростковый возраст приобретает статус сложной конструкции, которая подразумевает манипуляцию: в одном отношении индивид рассматривается как ребенок, а в другом – как полноценный дееспособный член общества [10]. Именно поэтому подростки становятся объектом социального контроля со стороны государства и социальных институтов (рис. 1). Тенденции и попытки предотвратить рисковые проявления возраста являются одной из особенностей социального контроля. «Страх за молодежь» сопровождается не только попыткой социализации, но нередко и вмешательством в повседневные практики подростков, многие из которых расцениваются как нежелательные и противоправные. Поэтому, наряду с конструированием возраста и смыслов, происходит конструирование подростковой делинквентности.

Рис. 1. Континуум подросткости

В определении кризиса подросткового возраста нередко происходят конфликты с регламентацией общественной жизни и взаимодействием с обществом, что часто интерпретируется как делинкветность. Многие подростки имеют проблемы с законом, но относительно немногие из них становятся преступниками в дальнейшем. В вопросах профилактики и коррекции подростковых правонарушений отмечаются тенденции к применению карательного подхода со стороны государства и общественности [11]. Данные стратегии государства можно рассмотреть с двух сторон. Во-первых, актуально акцентировать внимание на анализе медиа-дискурсов, которыми являются средства массовой информации, где конструируется образ

«трудновоспитуемого» подростка. Во-вторых, необходимо остановиться на рассмотрении государственных стратегий и тактик в области социального контроля, воспитания и коррекции отклоняющихся форм поведения подростков и, соответственно, подходов к определению данной категории подростков и молодежи.

Раскручивание образа «трудного» подростка, как правило, происходит в средствах массовой информации. Так, источником информации о проблемах молодёжи являются СМИ, телевидение и радиопередачи для большинства членов современного общества [12]. Если взять во внимание анализ телепередач, то нередко репортажи о молодых правонарушителях сопровождаются демонстрацией решетки, что подталкивает на ассоциативном уровне зрителя к интерпретации главного героя новостной сводки как «опасного» для общества. Даже попытки средств массовой коммуникации заострить внимание на позитивных сдвигах в системе исполнения наказаний всё равно несут в себе трансляцию символов опасности. Конструирование образа делинкветного подростка происходит в большей степени в публичном пространстве. СМИ транслируют утверждение о том, что молодой человек или подросток, совершив однажды правонарушение, становится «общественно опасным элементом», чей образ сам по себе несет в себе угрозу. Кроме того, молодежи и подросткам, в особенности, приписывается ряд других асоциальных явлений.

Государственные стратегии и тактики в отношении контроля, воспитания подростков, а также профилактические меры в отношении правонарушений и деструктивных практик в молодежной среде в России имеют черты карательного и патерналистского подхода со стороны государства. Социальный контроль не всегда имеет реабилитирующую стратегию действий в отношении подростков. Беспризорность, безнадзорность, правонарушения и антисоциальные практики присущи современному российскому обществу, однако, современные подходы государства жестко регламентированы законодательством и системой профилактики. О ювенальной системе в России существует немало дискурсов в отечественной академической литературе. Меры, принимаемые государством, имеют свой контекст – жесткий контроль над отклоняющимся от общепринятых норм поведением и карательную систему профилактики, которая во многом рассматривает подростков, совершивших правонарушение, как взрослых людей, в то время как подростковый возраст сочетает в себе совокупность взрослых и детских типов поведения. Так, Д. Константиновский отмечает, что четко отрегулированной системы по профилактике безнадзорности и беспризорности сегодня как таковой нет. Многие специализированные реабилитационные учреждения созданы на базе центров психолого-педагогической и медико-реабилитационной помощи для наркозависимых [13]. Наряду с тем, что реабилитационная система для подростков, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, только начинает развиваться, большое внимание уделяется особенностям превентивных мер в закрытых специализированных образовательных учреждениях, которые диагностируются как транслирующие

негативные ценности и жизненные практики. В учреждениях интернатного типа из-за режима закрытости складывается особая субкультура, неписаный кодекс, который усваивается подростками и способствует передаче норм делинквентной культуры. Так же отмечается, что очерчивание четких границ между обществом и специализированным учреждением приводит к формированию социальной эксклюзии и конструированию образа подростка-преступника [14].

Данная проблематика находит свое отражение и в использовании специфического терминологического аппарата как в западных, так и в отечественных ювенальных практиках. Например, в России молодежь, причастная к делинквентной субкультуре, воспринимается как «молодежь группы риска», наделенная определенными возрастными рамками, и представляет собой концепт, оперирующий в основном взрослыми маркерами поведения и его регламентацией. По определению Ключарева и Трофимовой, «… в нее входят не только юноши и девушки, ранее совершавшие правонарушение(я), но и предрасположенные к девиантному, с точки зрения социальных норм, поведению» [15, с. 418]. Также, согласно отечественным исследователям, к группе риска относится молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, жизнь и здоровье которых находится под угрозой [15, с. 420]. Таким образом, данное понятие позволяет рассматривать влияние асоциальных практик на отклоняющееся поведение подростков и молодежи, определяя их как взрослых лиц, имеющих предрасположенность к правонарушениям, либо уже совершивших их. К примеру, если подросток уличен в правонарушении, то предполагается использование подхода «молодежь группы риска», что имеет совершенно другое смысловое содержание в отличии, например, от иностранного эквивалента «youth at risk» или другого российского «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации».

На основании анализа ситуации с профилактикой рисковых и отклоняющихся от государственного стандарта явлений среди подростков необходимо рассмотреть концепты, которые позволяют трансформировать сложившуюся ситуацию на основании использования различных подходов. В данном ключе решением проблемы авторы видят в применении комплексного сочетания зарубежных и российских практик.

В зарубежных практиках анализа преодоления риска в подростковом возрасте и самого возрастного кризиса также отмечаются черты патернализма государства, но с тем отличием, что подросток воспринимается как ребенок и как взрослый одновременно. Риторика анализа риска предполагает, что понятие «youth at risk» в первую очередь ассоциируется с какой-либо социальной угрозой или опасностью. В управлении риском и «youth at risk» задействованы социальные институты, которые принимают на себя государственные формы контроля за молодежью и ее поведением: образование, семья, институты социального контроля (СМИ, судебная система и т. д.). Образование и институт семьи транслируют цели «защиты от мира», социализации, конструирование определенных паттернов поведения, родительский контроль. Институты социального контроля, напротив, воссоздают воспроизводство риска: молодежь

также ассоциируется с чем-то негативным, однако другие социальные институты выступают агентами реабилитации молодежи, которая ассоциируется с рисковыми явлениями. Понятие «молодежь» включает в себя в данной трактовке как подростков и детей, так и совершеннолетних. В категорию «youth at risk» входят дети и подростки, с которыми соотносится понятие «children in difficult life circumstance», несмотря на то, что подростковость ассоциируется по большей части с риском. Сама категория молодежь, в том числе и связанная с делинкветнонстью, включена в терминологию, принятую в западных практиках социальной работы: «youth care», т. е. практики сочетания реабилитации и контроля, которые представлены взаимодействием и координацией социальных институтов [16]. Молодежь, исходя из зарубежного дискурса, понимается как комплексный конструкт, который включает как детей и подростков, так и различные, социальные институты (семья, государство, образование и судебная система, СМИ и т. д.), посредством которых происходит вмешательство в повседневные практики молодежи. В данном концепте приемлемо использование дихотомии «ребенок» – «взрослый», потому как основа, на которой построена вся дальнейшая система профилактики риска, не включает в себя конкретных возрастных критериев. Российский подход, наоборот, акцентирует внимание именно на возрастных критериях к определению детей, подростков и молодежи, которые входят в категорию риска.

В отечественных практиках существует два основных подхода, характеризующих либо детские, либо взрослые маркеры поведения. Так, принятая характеристика детства как состояние полной невинности и его сентиментализации предполагает мягкий государственный паттерн в отношении профилактики и коррекции с использованием концепта «ребенок, находящийся в трудной жизненной ситуации», где отклонения в поведении воспринимаются как исключительно жизненные трудности, которые ребенок не в состоянии преодолеть сам.

В рамках российской действительности авторы, на основании проведенного анализа западных и отечественных подходов, предлагают к рассмотрению наиболее актуальные рекомендации для системы контроля и профилактики рисковых явлений среди молодежи:

- учет дихотомии «ребенок» – «взрослый» относительно проблемной категории подростков, применение технологий контроля, реабилитации, внедрение «мягкого» подхода, либо его усовершенствование в российской действительности на примере специальных учебно-воспитательных учреждений открытого типа;

- использование «мягкого» подхода в системе реабилитации и контроля правонарушений предоставит возможность разработать и внедрить нейтральную терминологию для проблемной категории подростков, лишенной какой-либо стигматизации и негативной оценки. Опираясь на конструктивистскую парадигму в аспекте дихотомичности и конструируемости подросткового возраста, российские и зарубежные практики определяют средние границы подросткового возраста, которые

составляют промежуток от 12 до 18 лет. Так подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, с точки зрения ювенальных практик, – это лица, у которых трудная жизненная ситуация связана с обучением и воспитанием в специальных учебно-воспитательных учреждениях; подвергнувшиеся любым формам физического и психологического насилия, имеющие склонность к противоправным и криминальным формам поведения;

- применение в практике комплексного подхода взаимодействия социальных институтов, органов власти, общественных объединений и гражданских инициатив позволит более мягко осуществлять профилактическую, реабилитационную и адаптационную работу с подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации;

- необходимость учета региональной специфики российской действительности. Проблема дистанции регионов может иметь усугубляющий характер в зависимости от удаления от центра и, соответственно, особенностей финансирования, экономики, самого социума, выработки законодательных инициатив, повседневного быта и практик данной проблемной категории подростков и молодежи и их включенности в повседневное взаимодействие с социумом, социальную практику;

- проведение оценки проблемы региона с ориентацией на исследование повседневности, повседневных практик и взаимодействий между подростками, имеющих склонности к правонарушениям в самой системе учреждений, направленных на реабилитацию и профилактику рисковых явлений. Акцентирование внимания именно на повседневности подростка в учреждении через качественный анализ позволяет представить взаимодействия подростка с самой системой на индивидуальном уровне и, исходя из этого, максимизировать положительные тенденции и минимизировать риски, которые воспроизводятся самой системой учреждений и социальных институтов;

- создание экспериментальной площадки на базе передовых учреждений системы профилактики и апробация предложенного подхода на практике.

Так, в качестве экспериментальной площадки для Хабаровского края авторы предлагают рассмотреть Хабаровский психолого-педагогический центр реабилитации и коррекции, где уже накоплен уникальный опыт работы с данной группой, и внедрение новых технологий позволят более мягко адаптировать подростков в жизни социума без феномена социальной эксклюзии. Трансформация существующего опыта с учетом зарубежных трактовок и подходов внесут значительный вклад в успешную реабилитационную деятельность как данного учреждения, так и позволят стать ему флагманским для российской системы ювенальной юстиции.

Таким образом, в данной статье авторами была предпринята попытка рассмотреть подростковость и подростковый возраст как социальную проблему, где подростковый возраст является социальной конструкцией, и интерпретируется со стороны дихотомии «ребенок» – «взрослый». Представленные в статье рекомендации позволят комплексно взглянуть на проблему подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, как с

точки зрения официальной риторики государства и СМИ, так и индивидуальных особенностей возраста и в том числе различных проявлений делинквентности.

Литература и источники:

1. Schneider J. W., Kitsuse J. I. Studies in the sociology of social problems. – Ablex Publishing Corporation, 1984.

2. Schutz A., Luckmann T. The structures of the life-world. – Northwestern University Press, 1973. – Т. 1.

3. Curtis, A. C. Defining Adolescence // Journal of Adolescent and Family Health. – 2015. – Т. 7. – №. 2. – С. 2

4. Смирнягина, М. М. Возрастные границы и психологическое содержание стабильного периода подросткового возраста / М. М. Смирнягина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2009. – № 5 (138).

5. Savin-Williams, R. S. Adolescence: An ethological perspective. – Springer Science & Business Media, 2012.

6. Hall, G. S. Adolescence. 2 vols // New York: Appleton. – 1904.

7. Parsons T. Age and sex in the social structure of the United States // American sociological review. – 1942. – P. 604 – 616.

8. Furstenberg, F. F. et al. Between adolescence and adulthood: Expectations about the timing of adulthood // Network on Transitions to Adulthood and Public Policy, Research Network Working Paper. – 2003. – Т. 1.

9. Feld, B. C. Bad kids: Race and the transformation of the juvenile court. – Oxford University Press, 1999.

10. Fine, G. A. Adolescence as cultural toolkit: High school debate and the repertoires of childhood and adulthood // The Sociological Quarterly. – 2004. – Т. 45. – №. 1. – С. 1 – 20.

11. Connolly, C. Saving Sickly Children // The Tuberculosis Preventorium in American Life, 1909 – 1970. – 2008.

12. Ясавеев, И. Г. " Сижу за решеткой": медиаобразы российских залюченных / И. Г. Ясавеев // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8. – №. 1. – С. 53 – 68.

13. Константиновский, Д. Л. Молодежь: интересы и судьбы, проблемы и надежды / Д. Л. Константиновский // Власть. – 2010. – №. 2

14. Астоянц, М. С. Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения. Опыт включенного наблюдения / М. С. Астоянц // Социологические исследования. – 2006. – №. 3. – С. 54 – 63.

15. Ключарев, Г. А. Молодежная преступность и молодежь группы риска / Г. А. Ключарев, И. Н. Трофимова // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 8. – М. : Институт социологии РАН, 2009. – С. 421 – 439.